

УДК 167.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3

Черновицкая Ю. В. | Техногенная цивилизация и новые формы неравенства

Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; juchische@rambler.ru

Аннотация. Автор обращает внимание на характерное для техногенной цивилизации изменение социальной структуры общества, появление новых социальных групп и форм занятости. Отмечаются негативные аспекты применения современных технологий (такие как возможность тотального контроля государства, изменение отношения общества к приватности персональной информации, преобразование экономических и трудовых отношений, трансформация навыков специалиста, десоциализация). Указывается на скрытые негативные моменты: усиление неравенства – от правового, социального, экономического, морального до антропологического, биологического и генетического, – а также возникновение еще более опасной и новой формы неравенства, связанной с доступом к новейшим эффективным технологиям и коммерциализацией услуг, основанных на биотехнологиях. Исследуется появление прекариата как одной из современных форм трудового неравенства. Ставится вопрос о восприятии человеком темпов социально-технологического перехода и об адаптации к данному укладу новой реальности.

Ключевые слова: неравенство; техногенная цивилизация; прекариат; неравенство возможностей; капитал; современные технологии

Для цитирования: Черновицкая Ю. В. Техногенная цивилизация и новые формы неравенства // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 30-46. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3

Yu. V. Chernovitskaya | Technogenic civilization and new forms of inequality

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; juchische@rambler.ru;

Abstract. The author draws attention to the change in the social structure of society, the emergence of new social groups and forms of employment, which is characteristic of technogenic civilization. Negative aspects of the use of modern technologies are noted (such as the possibility of total state control, a change in society's attitude to the privacy of personal information, the transformation of economic and labor relations, the transformation of specialist skills, desocialization). Hidden negative aspects are pointed out – increasing inequality from legal, social, economic, moral – to anthropological, biological and genetic, as well as the emergence of an even more dangerous and new form of inequality associated with access to the latest effective technologies and the commercialization of services based on biotechnology. The emergence of the precariat as one of the modern forms of labor inequality is investigated. The question

is raised about the person's perception of the pace of socio-technological transition and the adaptation of this economic structure to a new reality.

Keywords: inequality; technogenic civilization; precariat; inequality of opportunities; capital; modern technologies

For citation: Chernovitskaya Yu. V. (2022), "Technogenic civilization and new forms of inequality", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 30-46, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3

Конвергенция нано-био-инфо-когнитивных технологий обуславливает принципиальные взаимосвязанные сдвиги в структуре экономики и общества; в таких социально-исторических условиях, в новой социальной реальности происходит трансформация человека, связанная с изменением его социального статуса и возможностями самореализации, характерными для новых форм организации труда. Ослабевают производственная составляющая как основной источник накопления капитала, на первый же план выходит роль финансового капитала, а также интеллектуального и цифрового.

Данный феномен нашел отражение в разработке философской мысли таких направлений, как автономизм (М. Хардт, А. Негри), когнитивный капитализм (Я.-М. Бутан), акселерационизм (А. Вильямс, Н. Срничек), семиокапитализм (Ф. Берарди), прагматическая социология (Л. Болтански, Э. Кьяпелло, Л. Тевено), а также биокапитализм (К. Раджан) (см.: Наумова, 2016: 45-46). Называя данные формы организации труда постфордизмом, можно говорить о «наличии в них принципов "гибкости", "нестабильности", "хрупкости", "фрагментации", "детерриторизации" как ключевых в осмыслении актуальных трудовых, производственных и культурных отношений в обществе» (Наумова, 2016: 46). Однако общество по-прежнему основано на труде, который способствует обеспечению экономической безопасности и формированию личности.

Но социальная структура общества радикально меняется, с развитием информационно-коммуникативных, биомедицин-

ских, когнитивных технологий, робототехники появляются новые ведущие социальные группы (креативный класс, технократия, резко увеличивающиеся в числе работники сферы услуг, IT-специалисты), сокращается массовый труд, появляются новые формы занятости (фрилансеры, удаленная работа, проектные сообщества и др.). Меняется качество образования. Это ведет к появлению новых опасных формирований: постоянно и временно безработных, прекариата, андеркласса, «лишних людей», «которые требуют все больших объемов ренты для поддержания своей жизнедеятельности» (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019: 70). Происходит постепенное замещение живой рабочей силы автоматизированными устройствами, в создании национального богатства принимает участие все меньшая часть трудоспособного населения, растет безработица, которую «все сложнее будет компенсировать с помощью модели социального государства, рассчитанной на экономический рост» (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019: 169). Меняется отношение общества к приватности персональной информации, человеку как целостной системе, возникает рынок человеческих способностей, при этом лишь некоторые способности человека способны участвовать в рыночной конкурентной борьбе.

Ряд исследователей (например, К. Шваб) указывает на то, что темпы и степень изменений (К. Шваб называет эти изменения четвертой промышленной революцией) технологических преобразований значительно возросли, идет полное преобразование всех систем. «Предприятия все в большей степени будут организованы на

основе распределенных команд, удаленных сотрудников и динамичных по составу коллективов с непрерывным обменом данными и знаниями о вещах или задачах, над которыми ведется работа» (Шваб, 2016: 49). Такая форма организации труда имеет свои негативные моменты, о которых речь пойдет позднее, сейчас же сконцентрируемся на амбивалентности применения технологий.

Технологические инновации, современная цифровая среда, безусловно, предоставляют нам широчайший спектр возможностей – от улучшения бытовых и экономических условий и способов нашего существования, предоставляемого комфорта, совершенствования наших физических возможностей, до широкого спектра образовательных, рекреационных, культурно-познавательных, коммуникационных и прочих решений.

Однако следует выделить тревожные маркеры использования современных технологий, на которые стоит обратить внимание.

1. Наблюдение, слежка, контроль. Происходит интеграция научных дисциплин, передовые достижения и открытия в одних областях могут использоваться в любой другой отрасли, где они могут быть полезны. Обратим внимание на некоторые направления развития технологий. Например, цифровые технологии производства взаимодействуют с биологическим миром. Полученные продукты могут подстраиваться под условия окружающей среды, постоянно изменяться и адаптироваться. «Некоторые дизайнеры и архитекторы уже совмещают автоматизированное проектирование, аддитивные технологии, инжиниринг материалов и синтетическую биологию для новаторских разработок систем взаимодействия между микроорганизмами, нашими организмами, потребляемыми нами продуктами и даже зданиями, в которых мы живем» (Шваб, 2016: 14).

Помимо этого, цифровая 3D-печать может, например, создавать нужные недостающие или вышедшие из строя элементы, используется технология 4D-печати – осо-

бая технология печати предметов из изменяющихся под воздействием света, воды, тепла материалов, меняющих свои характеристики с течением времени. Исследуется вопрос о программировании материалов на определенные действия. Такой момент, как удобство отслеживания поставки товара, посылки от производителя к поставщику или покупателю посредством его оснащения датчиком, радиопередатчиком, радиочастотным маячком-определителем, заставляет обратить внимание на то, что такой способ мониторинга может также применяться при необходимости отслеживания и передвижения людей (помимо их воли). Новые технологии наблюдения усиливают способы влияния власти, однако владение этими технологиями также позволяет гражданам находить способы уклонения от тоталитарного надзора и контроля.

Придерживаясь терминологии З. Баумана, можно сказать, что мы живем в эру текущей современности, где осуществляется массовый и постоянный контроль, тенденции к отсутствию всякой приватности заставляют говорить исследователей о практике «мягкого тоталитаризма» (Бауман, Донскис, 2019а: 128). В эру текущей современности массовая слежка и колонизация приватности принимают иные формы. И человек соглашается с этим, объясняя себе необходимость известности своего местонахождения, количества средств на счетах, круга общения и интересов общественной безопасностью, борьбой с терроризмом и проч. Довольно просто создать индивидуальные профили цифровой идентификации, «включая интернет-поиск, посещаемые сайты, связь по электронной почте с именами и темами, поиск по картам, географическое положение и перемещения, расписание встреч, телефонную книгу мобильных телефонов, данные о болезнях, образовании, потреблении электричества, фотографии и видео, социальные сети, места посещения, еду, чтение, любимые развлечения и список сделанных покупок» (Стэндинг, 2014: 238).

Масштабы тотального цифрового манипулирования сознанием людей приобретают формы «цифрового тоталитаризма», приводящие к потере приватности индивидуальной жизни. Обладание подобной информацией предоставляет возможность контроля, манипулирования, управления людьми как физическими, так и психологическими методами. Показателен процесс о защите своих гражданских прав ученика, обвиненного в «неподобающем поведении дома» (Стэндинг, 2014: 240). Руководство школы узнало об этом из веб-камеры подключенной программы системы безопасности, установленной на ноутбуке, выданном учащемуся для обучения. При этом совершенно не бралось в расчет соблюдение тайны частной жизни.

Для расширения возможностей государственного наблюдения и цензуры может использоваться искусственный интеллект (так, компания Microsoft объединилась с китайским военным университетом для разработки систем искусственного интеллекта) (Feldstein, 2019). Китай экспортирует данные технологии по всему миру. Политику китайского правительства можно назвать цифровой репрессией. Она включает обязательный сбор образцов ДНК, мониторинг сети Wi-Fi и широко распространенные камеры распознавания лиц, подключенные к интегрированным платформам анализа данных. Использование искусственного интеллекта также может помочь репрессивным правительствам манипулировать доступной информацией и распространять дезинформацию.

В связи с изучением идей М. Фуко и Н. Роуза некоторыми исследователями замечено, что «власть стала создавать условия для того, чтобы управлять жизненными процессами на самом фундаментальном уровне – клеточном, геном, молекулярном. Средства для такого управления были предоставлены науками о жизни – генетический скрининг, репродуктивные технологии, трансплантация органов, генетические модификации организмов, использование психотропных лекарств» (Михель, 2019:

43). Биобанки также становятся важным элементом биополитической инфраструктуры – это «систематизированные хранилища человеческих биологических образцов, включая органы, образцы тканей, крови, плазмы, мочи, внутриклеточных компонентов (РНК и ДНК), а также спермы, яйцеклеток, эмбрионов, стволовых клеток и т. д., это новый элемент управления и самоуправления» (Михель, 2019: 44). Создаваемая на основе биоматериалов информация и продукция используется не только и не столько в интересах самого человека, предоставившего биоматериал, сколько в интересах общества (новые лекарства, диагностические средства и др.), фармацевтических компаний (прибыль). Возможность сохранить и использовать «себя» (замороженные яйцеклетки и сперма для предполагаемого в будущем оплодотворения *in vitro*, собственные стволовые клетки для лечения тяжелого заболевания) открывает человеку новый взгляд на свое существование и отношение к иному уровню жизни, касается принятия конкретных решений, связанных с собственной жизнью, сознанием своих прав, обязанностей и ожиданий. А также ставит вопрос неравенства: современные технологии – вещь, доступная не всем, как с финансовой (например, криотехники), так и с интеллектуальной точки зрения (недостаточно владеть платформой, нужны специальные навыки и способности, чтобы ею пользоваться).

2. Преобразование экономических процессов, владение платформами. Цифровой мир преобразует экономические процессы: можно вести успешный бизнес, не владея собственностью, не производя товары и т. д., достаточно владеть платформой. Так, скажем, компании по сдаче жилья внаем Airbnb или Booking не имеют в собственности недвижимости, транспортная компания Uber – транспортных средств, крупнейшие в России продавцы товаров – Ozon и Wildberries – продаваемой продукции. Владение интеллектуальным или физическим капиталом, замена труда капита-

лом – условие роста благосостояния и одновременно разрыва в уровне доходов и условий жизни по сравнению с теми, кто живет результатами собственного труда (как физического, так и интеллектуального). Ожидается, что пока еще востребованные разработчики алгоритмов и платформ, обладающие высокой информационно-коммуникативной и компьютерной компетенцией, вскоре будут заменены самообучающимся искусственным интеллектом, их навыки больше не будут востребованы. Физические же возможности человека бесспорно уступают механическим устройствам, роботизированной технике.

3. Преобразование трудовых отношений. Цифровая экономика, компьютеризация изменяет основы труда, связи трудовой социализации, преобразовывает, переформирует индивидуальную и коллективную идентичность. Пересматриваются взаимоотношения между работодателями и работниками: комплекс социальных прав, трудовые договоры, функции профсоюзов. Рынок труда одновременно с новыми возможностями оказывается перед лицом структурных изменений и новых рисков. Растет безработица, создаются новые профессии, новые рабочие места в некоторых отраслях и исчезают в других, растет поляризация общества и социальное неравенство.

В новой экономической модели трансформируются навыки специалиста. Основным критерием профессионализма «цифрового работника» становится не наличие у него диплома об образовании, а высококлассное владение определенным набором навыков, необходимых именно на данном месте работы, регулярное обучение и совершенствование своих навыков в условиях постоянно обновляющихся технологий и появления новых цифровых продуктов. Однако человек в цифровую эпоху вступает в конкурентную борьбу с цифровыми инструментами производства (искусственным интеллектом, роботизированной техникой, программным обеспечением, автоматическим производством) и неизбежно

проигрывает им в силу объективных причин (своей человечности).

Цифровые технологии кардинально меняют способы производства в разных отраслях, создают новую инновационную инфраструктуру. Новшества уже введены и активно используются людьми. Это и роботизированные кассы самообслуживания в магазинах, и автомобили с автопилотами, и проч. Так, «Сбербанк в 2020 г. объявил о выделении отдельной дочерней компании Sber Automotive Technologies (SberAutoTech), которая займется созданием платформы для будущих беспилотных автомобилей» (Хачатурян, 2021: 106).

Также цифровизация затрагивает такие отрасли, как сельское хозяйство, активизируя систему «умного» земледелия, строительство с префабрикацией (и примыкающей к ней 3D-печатью) и информационное моделирование зданий. В сельском хозяйстве это и интеллектуальная ирригация, и контроль почвы и урожая (включая системы распознавания заболеваний растений), и системы «умной» техники, беспилотные тракторы и комбайны (оснащенные датчиками, сенсорами и т. д.), и пр. (Хачатурян, 2021: 106). Реальностью в разных странах мира становится серийная 3D-печать зданий – в частности в Мексике с помощью строительных 3D-принтеров печатаются дома.

4. Десоциализация. Одной из черт цифровой технологической революции является свойственная ей общая тенденция к десоциализации, социальному отчуждению людей, дегуманизации. «Станет набирать силу наметившаяся уже сегодня тенденция к “расчеловечиванию” социальной политики. Цифровое общество будущего вполне может оказаться обществом постгуманистическим» (Малышева, 2018: 44). Десоциализация индивида проявляется в таких формах, как «цифровой мауглизм», «боязнь офлайна», социальный инфантилизм и пр. (Хачатурян, 2021: 104).

Современная цифровая цивилизация вносит также свои коррективы в восприя-

тие религии, мифологических смыслов, духовных ценностей. Разве можно было раньше всерьез задуматься о том, что каждый может превратить свой компьютер в тибетское молитвенное колесо¹? Что же делать современным верующим теперь, когда технологиями непрекращающегося прогресса вместо жестких дисков, делающих сотни тысяч оборотов в час, уже используются SSD-диски, в которых нет вращающихся элементов?

Общество с необходимостью приспосабливается под новый мир. Человеческая личность и индивидуальность, человек как целостная система не наделяются значительными смыслами, статистика важнее человеческой жизни, политическая, экономическая, интеллектуальная мощь страны ценятся больше человеческой жизни. Человечество превращается в конгломерат электронных личностей. «Вот список наших новых ментальных блокировок. В него входит намеренное “забывание” о другом; осознанный отказ узнавать и признавать не таких, как мы; игнорирование реальных живых людей, которые находятся рядом и пытаются с нами общаться, – нам куда важнее завести “друга” на Фейсбуке, друга далекого, возможно живущего в другой смысловой реальности» (Бауман, Донскис, 2019а: 21).

Происходит переопределение как личной, так и семейной идентичности. Сейчас можно говорить о многосторонней, множественной идентичности, чему способствует онлайн-среда общения, благодаря которой люди не чувствуют себя только представителями, выходцами из определенной местности, этнической, языковой, культурной или религиозной группы, а, соприкасаясь с другими культурами, могут ощущать себя представителями человечества, гражданами мира.

Также меняется и структура семьи, это уже не традиционное понимание про-

живающей и ведущей совместное хозяйство группы, а не связанное в пространственном отношении сообщество родственников, способных взаимодействовать между собой в том числе и при помощи современных технологий. «Традиционная семейная ячейка все больше и больше заменяется семейной сетью, раскинувшейся в нескольких государствах» (Шваб, 2016: 66).

Также меняются отношения между людьми, проживающими рядом, по соседству, в одном государстве. Стоит обратить внимание на то, что намечаются тенденции отсутствия презумпции невиновности для мигрантов. Современные экономические условия, рынок труда способствуют тому, что государства принимают жесткие меры по отношению к мигрантам: более строгие правила въезда, возможное установление системы тестов и достаточного количества баллов для получения гражданства, сокращение пособий по безработице. Мигранты априори носители чужой культуры, языка, обычаев и верований, то есть чужие, которые приехали занимать рабочие места, жилье и получать пособия. Все чаще и чаще мигранты считаются виновными до тех пор, пока они не докажут обратное. И это позиция как правительств, так и рядовых граждан. Меняется и отношение к образованию. Так, скажем, если образование традиционно считалось базовым условием в формировании человеческого капитала, то сейчас «образование может препятствовать развитию навыков, необходимых для выживания при нестабильной экономической системе» (Стэндинг, 2014: 219). Образование играет негативную роль в способности приспособляться, быть изворотливым, обладать необходимыми при нестабильности навыками. На первый же план выходит поведенческая и косметическая адаптация. Искусство подать себя в нужном свете, вызвать доверие, расположить к себе – навыки, высоко ценимые в современном

¹ Тибетские молитвенные колеса + Высокие технологии. Ваше ускоренное духовное развитие // Центр тибетской медицины [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.kunpendelek.ru/library/buddhism/practics/prayer-drum/> (дата обращения 29.01.2021).

обществе. «Прекариат или те, кто боится оказаться в его рядах, усваивают, что пластическая операция, увеличение груди, ботокс или липосакция служат вложением в будущий заработок, а также гарантом лучшего образа жизни» (Стэндинг, 2014: 220). Также этому способствует соответствующее поведение. Целая индустрия работает на то, чтобы поддерживать культ потребления, поведенческих и эстетических стандартов. «Моя работа производит спрос, а затем преувеличивает пользу продуктов, которые продаются, чтобы удовлетворить его. <...> ...Мы заставляем зрителей чувствовать себя неполноценными, а затем преувеличиваем эффективность “решений”, предлагаемых в рекламных паузах» (Гребер, 2020).

Учитывая различные аспекты применения современных технологий, можно предвидеть еще один скрытый негативный момент – усиление неравенства между людьми технически грамотными, владеющими и контролирующими возникновение, развитие и применение технологий, и пассивными пользователями-потребителями, не обладающими достаточными знаниями. Такому росту противоречий и неравенств способствует и широко применяемая во всем мире программа цифровизации экономики. Ставится вопрос о соответствии моделей и темпов социально-технологического перехода и адаптации к экономическому укладу новой реальности. Так, по мнению некоторых исследователей, «российская программа цифровизации в ее нынешнем виде угрожает расколоть общество, поскольку предусматривает превращение страны в гигантскую интернет-платформу, которая станет заменой государства, а самих россиян предлагает “рассортировать в зависимости от их уровня овладения цифровыми технологиями”» (Мальшева, 2018: 44).

Возникает новый принцип социально-статусной стратификации, новый источник социального неравенства. Знания и информация, владение ими, контроль и распоряжение становятся важнейшим капиталом.

Группа, обладающая таким капиталом («когнитариат» – Э. Тоффлер, «креативный класс» – Р. Флорида, «класс интеллектуалов» – В.Л. Иноземцев) имеет доступ к социально-значимым позициям и привилегиям. Цифровое преобразование может привести к «гибкому использованию трудовых ресурсов», обернуться «потерей или снижением социального статуса» для работников, а для всего общества – «резким усилением социального неравенства» (Тошченко, 2017: 102, 104-105).

Возникают разные виды неравенства. Во-первых, общество поделилось на тех, кто принимает изменения, и тех, кто против установившейся реальности. Несмотря на эффективность применения технологий как в экономическом плане, так и в возможностях личностного развития, велики их потенциальные риски и существуют сложности доступа к возможностям их использования. Людям придется непрерывно приспосабливаться к изменениям, независимо от их желания. Например, призванные защищать трудящихся профсоюзы «в первую очередь направлялись на борьбу против сокращения персонала. Без достаточного внимания оставались такие вопросы, как условия введения новых технологий и социальные последствия этого процесса в будущем» (Каргалова, 2018: 175).

Если раньше ликвидация или перекалфикация рабочих мест замещались другими альтернативными рабочими местами, возможно требующими дополнительных навыков, то при автоматизации, роботизации, информатизации такого замещения не происходит, а тех, кто не сможет приспособиться к новым социальным и производственным структурам, «с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные пособия, а сокращение... возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения» (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019: 152).

Вторым видом неравенства становится неравенство онтологическое. «Это онтологическое неравенство разделит тех,

кто приспособился, и тех, кто сопротивляется переменам» (Шваб, 2016: 78). Исходное неравенство возникнет между поколениями, которое родилось и уже выросло при изменившихся условиях цифрового мира, и поколением, не знавшим этого изначально и вынужденного приспособляться к новым условиям. «Навыки работы в Интернете должны рассматриваться как жизненно важные активы. Когда эти навыки неравномерно распределены среди населения, последствия этого... могут усугубить существующее социальное неравенство» (van Deursen, van Dijk, 2010: 894). Некоторые исследователи считают, что имущественное неравенство в основном – это следствие неравенства интеллектуального потенциала. «Будучи порождено не относительно условными и внешними характеристиками вещного богатства, а существенными отличиями внутреннего потенциала членов общества, новое классовое деление может стать гораздо более жестким, чем в эпоху господства частной собственности» (Иноземцев, 2000: 13).

Социальное неравенство, зависящее от положения в обществе при соблюдении/несоблюдении определенных условий, усугубляется неравенством онтологическим, при котором фиксируется возможность/невозможность применения определенных состояний и способностей. Не владеющим современными технологиями в современном мире ограничен свободный доступ (с возможностью получить такой доступ очно, испытав ряд неудобств и неловкостей) к получению государственных услуг, образования, медицинской помощи, приобретению товаров и услуг и проч. С неизбежностью возникают столкновения интересов, напряженность, потенциальное разделение, проблемы этического плана. Исследуются вопросы, «как неумолимо интеграция технологий в нашу жизнь будет воздействовать на наше представление об идентичности и приведет ли она к снижению некоторых из наиболее существенных способностей человека, таких как самоанализ, эмпатия и сострадание» (Шваб, 2016: 78).

Так, обращая внимание на разрабатываемую систему социального кредита доверия (SCS), которая будет использоваться для оценки надежности всего населения Китая (Елкина, 2017), становится очевидным, что этические вопросы сохранения права на индивидуальный выбор личности в будущем станут одними из самых актуальных. Действия каждого гражданина и юридического лица (то есть каждой компании) в Китае будут оцениваться, хотя бы они этого или нет. Учитываются все моменты экономического, социального и другого взаимодействия человека, вплоть до личного выбора общения. Рейтинг повлияет на шансы оформить ипотеку, устроиться на конкретную работу, отправить детей в школу, устроить личную жизнь. Бесконтрольное обязательное участие государства в делах личности может привести, с одной стороны, к системе надзора, подчинения и контроля, а с другой стороны, к гонке популярности за высоким рейтингом и привилегиями, в умаление своих личностных желаний или предпочтений.

Говоря о новых видах неравенства, стоит учесть также тот факт, что недостаточно иметь доступ к технологиям, информации, ресурсам – нужно уметь ими пользоваться, правильно их «приспосабливать и утилизировать» (Мамедов, 2014: 190), и в этом, по мнению некоторых исследователей, заключается уникальность информационного общества. И проблема недополучения, обладания не полным объемом либо наоборот переизбытком возможной информации, благ и услуг кроется не только в том, что человек – потребитель услуг, возможно, недостаточно приспособлен, не обладает должными качествами или инструментами для получения полного круга возможностей. Речь идет о том, что «появляются технологические, коммерческие, социально-политические механизмы, регулирующие доступность информации... Речь идет о так называемом “информационном коконе”, под которым понимается создаваемая для пользователя алгоритмом поиско-

вых сетей выборка, основанная на его запросах и их внутренней логике, действуя зачастую в интересах не истины, а рекламы или цензуры» (Петрова, 2021: 32).

Активно утверждается (настолько активно, что уже считается само собой разумеющимся и неоспоримым), что необходимо придерживаться международных норм предпочтительных стандартов и трендов развития технологий и инноваций. Государства, находящиеся на пике исследований и применения передового производства, 3D- и 4D-печати, Интернета вещей, таргетной, персонализированной, персонафицированной, превентивной цифровой медицины, разработок по исследованию геной инженерии, получают экономические и финансовые выгоды в отличие от стран-прекариев, не имеющих финансовой, интеллектуальной возможности следовать глобальным курсом и обладающих такой внутренней социально-экономической программой, которая в результате превращает целую страну в страну-изгой, подвергающуюся риску отстать от передовой инновационной экономики (Ezell, Atkinson, 2014).

Ситуация возникновения еще более опасной новой формы неравенства, связанной с доступом к новейшим эффективным технологиям и коммерциализацией услуг, основанных на биотехнологиях, является «абсолютно новой для экономики, политики, культуры современного общества, основанного на идее исходного фундаментального биологического равенства людей. Фактический перевод социально-экономического неравенства в социально-биологическую плоскость может означать такие социальные последствия, которые окажутся трудноразрешимыми или не разрешимыми вообще» (Веряскина, 2022: 347), – делают вывод исследователи.

Человеческие способности в ближайшем будущем смогут регулироваться путем использования нейрофармакологии (нотропы, нейроимплантанты), нейрокомпьютерный интерфейс и др. «Поскольку речь идет о явно рыночных продуктах, впервые за сотни лет возникает риск биологического

закрепления социально-экономического неравенства» (Вызов–2035, 2016: 26). Ученными также обращается внимание на опасный и набирающий позиции вид неравенства – неравенство генетическое. «Постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие “общечеловеческого”, потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» (Фукуяма, 2004: 308).

Проблемы неравенства скрыты в избирательной доступности достижений геной инженерии, медицины, протезирования, трансплантологии, фармакологии, цифрового пространства, усовершенствовании когнитивных способностей и др. В какой-то момент андройды, животные с усовершенствованными признаками, роботы могут быть признаны самостоятельными группами, со своими правами и обязанностями. Люди будут поставлены перед фактом сосуществования с андройдами, «которые уже выступают с концертами, выполняют работу секретарей, телеведущих, спичрайтеров, уборщиков, оказывают услуги от продаж до консультационных и сексуальных. Обсуждаются законодательные инициативы о налогообложении труда роботов» (Тульчинский, 2021: 41). Перспективное направление – биомолекулярные роботы. В 2014 году М. Никитиним и его соавторами в журнале *Nature Nanotechnology* была опубликована статья о наноразмерных биороботах, которых предполагалось использовать в медицине; авторами предполагалось, что до клинической практики их разработки смогут прийти не ранее чем через 10–20 лет (см.: Веденева, 2014). Возникают обоснованные сомнения, что выберет человек, если это ему станет необходимо, – доктора-робота с искусственным интеллектом и без эмоций или же сочувствующего врача-человека, который сможет при необходимости приободрить и

обнадежить? Не побоятся ли человек вместо обычной таблетки впустить в свой организм некоего биоробота, якобы способного справиться с болезнью? Сколько должно пройти времени, чтобы человек научился взаимодействовать с роботами и доверять им? И сколько потребуется задействовать для этого материальных и психологических ресурсов, насколько доступны будут эти услуги? Поле неравенства от правового, морального и нравственного расширяется до антропологического, биологического и генетического.

Британский экономист по вопросам труда Г. Стэндинг предостерегает: «Неолиберальное государство... часто отказывается замечать дискриминационные технологии и практики, основанные на электронном наблюдении, страховых рынках и дотированных исследованиях в области бихевиористской психологии. Возникающая в результате дискриминация более утонченная, но по сути ничем не отличается от грубых форм, при которых отбор производится по гендерному, расовому, возрастному или образовательному принципу. Новейшая уловка – генетические коды» (Стэндинг, 2014: 241). Г. Стэндинг описывает генетические исследования в Сингапуре, выяснившие, что одна из версий определенного гена обнаруживается у людей, менее склонных к перепаду настроения, а следовательно, терпеливых работников. А высокий уровень тестостерона (который достаточно просто определить, если фирме-нанимателю или работодателю потребуются работники, обладающие определенными качествами) создает трудности работы в команде. Не станут ли работодатели использовать тесты на профпригодность, включая в них (кроме уже имеющихся психологических и социальных методик) баллы, набранные или не набранные претендентами априори, независимо от навыков и способностей, но зависящие от комбинации генетических кодов в их организме, национальности, расы или религии?

Усиливающаяся генетизация общества подвергается жесткой критике и по

следующей, не совсем обычной причине. Например, некоторыми представителями субкультур глухих и слепых их особенности воспринимаются как индивидуальность, естественный уникальный аспект личности, не требующий исправления в обязательном порядке. «Несколько ассоциаций, объединяющих слепых и глухих, выступило со специальными заявлениями против планов разработки геномных методов лечения слепоты, поскольку развитие последних грозит гибелью для их особых субкультур, аккумулирующих специфические и неизвестные в “нормальном” мире ценности» (Тищенко, 2001: 55).

Наш мир нестабилен, характеризуется новыми видами неравенства, слабеющими человеческими связями, он «снова стал театром войны всех против всех, и потому она не ведется никем и не против кого-то конкретного» (Бауман, 2019: 52). Люди превращаются в конкурирующих индивидов, от конкурентного отбора в учебные заведения до условий принятия на престижную (а иногда и просто достойную) работу. «Чувство унижения, социальной или личностной не востребоваемости вызывает размытое, бессмысленное, неточечное, произвольное, неадресное насилие, “насилие ради насилия”, дающее временное избавление от унижительного чувства собственной неполноценности, когда действительный виновник злоключений и страданий агрессора либо неизвестен, либо недостижим» (Бауман, 2019: 45). Снижается порог критериев наличия войны, становится менее выраженной грань между войной и миром, а также не всегда можно быть уверенным в том, кто именно вас атакует и имеет ли место нападение вообще, меняется концепция противника, «поскольку любые сети или подключенные устройства, от военных систем до гражданской инфраструктуры, такие как источники энергии, электрические сети, системы управления здравоохранением, движением или водоснабжением, могут быть взломаны и подвергнуты нападению» (Шваб, 2016: 68). Развитие биотехно-

логий, генетики и геномики заставляет задуматься о возможности усовершенствования, использования или случайной потере контроля над биологическим оружием. Не случайно в ситуации с распространением коронавируса Covid-19 рассматривалась и эта версия; возможность террористических атак с применением биологического оружия – одна из опасностей развития современных технологий. «Критически опасно то, что гиперсвязанность мира в условиях растущего неравенства может привести к усилению фрагментации, сегрегации и социальных волнений, которые в свою очередь создадут ситуацию для развития насильственного экстремизма» (Шваб, 2016: 65).

3. Бауман отмечает, что мир без насилия – это утопия, можно лишь различить «хорошее насилие» (совершаемое службами правопорядка, как бы они ни назывались) и «дурное насилие» (совершаемое ради подрыва, разрушения и поломки действующего правопорядка), которое дурно еще и потому, что вынуждает силы «хорошего насилия» перенимать инструменты и стратегию у своего врага (Бауман, 2019: 29). Неравенство возможностей, непредоставление доступа к возможностям – одна из ощутимых и набирающих силу форм неравенства. «В насилии обвиняют терпящих лишения людей и самые бедные народы, однако без равенства возможностей различные формы агрессии и войны найдут плодородную почву, говорится в речи папы Франциска» (Бауман, Донскис, 2019b: 78).

Одной из современных форм трудового неравенства является появление нового набирающего силу протокласса – прекариата. Изменяющиеся экономические условия, глобализация мировой экономики, а соответственно, увеличивающееся экономическое взаимодействие между странами и усиливающаяся глобальная конкуренция между одними работниками (дефицитным ресурсом) и другими (легкозаменяемой рабочей силой), создают новые формы занятости, предпосылки распространения пре-

каризации и возникновения прекариата. Изменяются реакции и модели поведения участников рынка труда, можно наблюдать рост его гибкости, рост неформальной занятости. Ю.В. Голиусова и З.Т. Голенкова определяют прекариат (от лат. Precarium – нестабильный, негарантированный) как «набор социально-исключенных групп» (Голенкова, Голиусова, 2013: 5-14), не имеющих гарантий занятости и стабильного положения на рынке труда. Это могут быть и частично занятые, и временные работники, работающие по срочным трудовым договорам, стажеры, безработные, мигранты, беженцы (а также новая категория мигрантов – «экологические беженцы»), деклассифицированные лица, маргинализованные элементы. Часто черты прекарной занятости можно найти в труде женщин, работающих пенсионеров, молодежь оказывается в состоянии статусной фрустрации и жесткой конкуренции как со стороны мигрантов, так и со стороны не желающих покидать свои рабочие места опытных, но уже пожилых сотрудников. Также сюда можно отнести лиц с ограниченной трудоспособностью, которым достается нестабильная, низкооплачиваемая, непрестижная работа. Нельзя говорить об однородности прекариата как некоего класса. Также меняется формат занятости, в рамках которой все менее различимы труд и досуг. «Нарастающая прекариатизация в сочетании с тотальной круглосуточной коммуникативной включенностью превращается в новую форму многогранной и многовекторной эксплуатации, новой ренты, не только “свободного времени”, а всего процесса жизнедеятельности» (Тульчинский, 2021: 37), ответственность за развитие и поддержание своего человеческого и социального капитала возлагается полностью на самого работника. Люди по-разному относятся к своему нестабильному положению, отсутствию или минимуму социальных гарантий, социальному статусу. Существуют и те, кто добровольно выбирает эту позицию, отказываясь от определенных соци-

альных гарантий в пользу мобильности, изменчивости, креативности своей трудовой реализации, и те, кто вынужденно пополняет ряды прекариата. Прекаризация характеризуется как внешним, так и внутренним неравенством, рассматриваются как внешние структурные ограничения, так и трансформация личностных установок. Также неоднозначно значение терминов, используемых при описании этого явления, так, например, ведутся споры, что можно считать временной работой. Поэтому сложно оценить количество людей, работающих с чертами прекарной занятости, точное их количество статистически не учтено. Неопределенность понятий, описывающих прекариат, делает неопределенным и само понятие, что приводит к определенным трудностям в случае установления принадлежности каких-либо структур и личностей к системе прекарной занятости. Так, например, «в Италии понятие *precariato* гораздо шире и относится не просто к людям, перебивающимся случайными заработками и мало получающим, а вообще к нестабильному образу жизни. В Германии прекариатом стали называть не только временных работников, но и безработных, не имеющих надежды на социальную интеграцию. В Японии это слово было равнозначно понятию “рабочая беднота”» (Стэндинг, 2014: 24). Придерживаясь широкого толкования, можно прийти к радикальному выводу, что почти вся занятость сегодня имеет те или иные черты прекарной занятости, прекариат уже рассматривается как новая социальная реальность.

Кроме ключевых последствий прекаризации, таких как «увеличение масштабов бедности; активизация миграционных процессов; деформация профессиональной структуры; ухудшение материального и психоэмоционального благополучия человека» (Сигитова, Филиппова, 2021: 36-40), можно еще назвать неустойчивое, неточное, размытое понятие ответственности за принятие решений, касающихся трудовых отношений. Кроме работника, который превращает в себя в товар, и работодателя,

его приобретающего, появляется агентство-посредник. На первый взгляд, это даже удобно, однако по сути, работник оказывается ущемленным в правах выбирать рабочие места и вид работ в полном объеме, это подбирает агентство, а работодатель снимает с себя ответственность за подбор персонала; в итоге не принимающий решений работник оказывается в подчинении и у работодателя, и у агентства.

Определенные стандарты, по которым живет современное общество, формируют новые структуры неравенства, переводят отдельные категории или состояния в разряд, нуждающийся в исправлении. Так, безработные оказались теми, кого непременно надо исправлять. Такая тенденция не нова, но обретает новые нюансы, касающиеся пособий по безработице. В некоторых странах, по мнению Г. Стэндинга, люди попадают в так называемую «ловушку нестабильности» (Стэндинг, 2014: 91), так как не могут позволить себе новую временную нестабильную малооплачиваемую работу взамен потерянной старой из-за невозможности сохранить пособия, а при их потере – становятся перед невозможностью понести затраты на их новое назначение.

Как уже упоминалось ранее, в разряд подлежащих исправлению попадают мигранты. Несмотря на определенные доказательства того, что они добросовестные, старательные, нетребовательные работники, в обществе существует стереотип, что они являются получателями всевозможных пособий и занимают рабочие места. Люди, похожие на мигрантов, переходят в статус подготавливаемых у полиции, пока не докажут свою невиновность (например, регистрацию или право на работу).

Возрастная дискриминация – феномен, с которым предлагается бороться в трудовом законодательстве, но все не так однозначно. Возрастной ценз, с которого назначается пенсия, условен, многие остаются трудоспособными еще много лет после выхода на пенсию. Однако Евросоюз выступает с рекомендательными инициативами по запрещению дискриминации по

возрасту. «Если мы признаем, что производительность труда с возрастом снижается, тогда законы против возрастной дискриминации могут привести к тому, что работодатели попытаются как-то иначе избавляться от работников с меньшей производительностью труда» (Стэндинг, 2014: 153), например, вводится возрастной ценз при приеме на работу. Пожилые люди, которых становится все больше, в том числе из-за развития современной науки, применения новых технологий, переходят в разряд нежелательных, исправить которых нет возможности, а шанс уволить или не принять на работу есть. Здесь также кроется скрытое неравенство. По этическим правилам пожилым предоставляется возможность приносить пользу обществу, и закон дает им эту возможность. На деле же оказывается, что этические принципы существуют в идеале, бизнесу же нужно еще несколько раз посчитать и взвесить прибыли и убытки от работника пожилого возраста, и часто выбор оказывается не в пользу последнего.

В новой цифровой реальности также пересматривается понятие «нетрудоспособные». Технологии дают возможность точно диагностировать заболевания или предрасположенности, все сложнее становится утаить (при необходимости или при желании) какую-либо информацию, сведения об определенных заболеваниях становятся известны специальным учреждениям, а при, скажем, случайном разглашении информации – и широкому кругу лиц. Здесь кроется опасность дискриминации. Людей пытаются классифицировать, дать указания, лечиться им или нет. Исследователи рассуждают о «новой форме контроля – молекулярной биополитике» (Михель, 2019: 46). В 2014 году в Финляндии проводилось исследование по выявлению гена преступности, ген не был выявлен, однако были обнаружены два гена, отвечающие за агрессивное поведение (*Genetic background...*, 2014: 786-792). Будут ли эти гены выявляться специально, будет ли их наличие как-то влиять на жизнь человека в личном и

социальном плане? Будет ли это контролироваться государством? Данные сомнения затрагивают сферу внутреннего мира человека, и опасности вмешательства в него государства, и, соответственно, контроль, управление и неравенство.

Также в современном мире ответственность за свою несчастливость, за экономическую несостоятельность, за нездоровье ложится на человека, всем предлагается различными способами бороться и избавляться от этих «пороков». «Здоровье становится идеологией... Люди, у которых не выходит заботиться о своем теле... выставляются в дурном свете – ленивыми, бесхарактерными, слабыми» (Бауман, 2019: 126). Таково обрисованное ранее в художественных произведениях, а теперь становящееся все ближе к действительности состояние общества, где неспособность быть счастливым, экономическая несостоятельность, нездоровье, неуспешность воспринимаются как порок, отсталость. Это культивируется в рекламе, которая заказывается, распространяется, внедряется для извлечения прибыли. Некоторые авторы говорят даже о «бархатном» тоталитаризме – подконтрольной форме манипулирования сознанием и воображением, реклама в котором «способна создавать человеческие потребности и критерии счастья» (Бауман, Донскис, 2019b: 121).

Мнения специалистов разделяются. С одной стороны, как замечает Дебора Луптон, «внедрение цифровых технологий облегчает (по сути вкладывает в руки каждого) контроль, измерение и фиксацию данных о своем теле и жизни как форму самосовершенствования и саморефлексии» (Lupton, 2016). И не соответствовать этой норме человек больше не имеет морального права. Однако, с другой стороны, поскольку мир контролируется и управляется властными группами, секретными международными организациями или спецслужбами с их неуловимыми экспертами, – считают З. Бауман и Л. Донскис, – индивид не может взять на себя моральную ответствен-

ность за собственные действия (см.: Бауман, Донскис, 2019b: 242). Как писал З. Бауман, «новая мораль из центростремительной превратилась в центробежную: когда-то она была главным связующим звеном в преодолении межличностных зазоров, в сближении и интеграции; теперь мораль стала одним из инструментов разделения, разобщения, размежевания, отчуждения и разрыва» (Бауман, 2019: 126). Способ же восприятия действительности как адиафорической реальности – вне сферы морали – способствует возникновению и укоренению в обществе проблем неравенства, непредоставления возможностей, которые с развитием техногенной цивилизации только растут.

Выводы

Постепенно человечество становится не только пользователем различных новых технологий, но и их частью. Изменения затрагивают как экономические, социально-культурные, так и антропологические характеристики существования человека. Какие бы изменения ни происходили в мире цифровизации, технологизации, роботизации, глобализации, как бы ни изменялось понимание концепции равенства людей, их предрасположенности к моральному выбору, каким бы технологически более совершенным ни становилось общество, все изменения прежде всего должны произойти с человеком, с человеческим обществом на уровне сознания, восприятия изменений, морали и поведения людей, восприятия и принятия себя в новом мире. И именно этот аспект требует от человечества больших усилий и становится самой главной задачей.

Литература

- Бауман, З. Ретротопия / пер. с англ. В.С. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
- Бауман, З., Донскис, Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текущей современности / пер. с англ. А.И. Самариной; науч. ред. Т.Н. Ракова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 368 с. (а)
- Бауман, З., Донскис, Л. Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив / пер. с англ. А.И. Самариной; науч. ред. М.А. Симакова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 296 с. (b)
- Веденеева, Н. Создан биоробот, работающих в организме человека по принципу компьютера // МК.ru. Наука. 20.08.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/science/2014/08/20/sozdan-biorobot-rabotayushhiy-v-organizme-cheloveka-po-principu-kompyutera.html> (дата обращения 21.03.2022).
- Веряскина, В.П. Человек в новой реальности XXI века: биотехнологические вызовы и их социальные последствия // Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы / отв. ред. Г.И. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Канон+, 2022. С. 341-365.
- Вызов–2035 / Агамерзян И.Р. и др.; сост. Буров В.В. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 240 с.
- Голенкова, З.Т., Голиусова, Ю.В. Новые социальные группы в современных страфикационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5-14.
- Гребер, Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ad Marginem Press, 2020. 440 с.
- Елкина, В. Большой брат с большими данными: как в Китае вводят индивидуальный рейтинг граждан // RB.ru. 25.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/story/social-credit-score/> (дата обращения 18.03.2022).
- Иноземцев, В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической перспективе // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 3-13.
- Каргалова, М.В. Трансформация мира труда в условиях цифровой экономики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 174-179.
- Малышева, Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. № 1. С. 40-46.
- Мамедов, А.К. Информационное общество: новая онтология социального неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 187-198.
- Михель, Д.В. Биокапитализм: новые технологии, новая экономика, новые формы труда и контроля в глобальном мире // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 25-49.

Наумова, Е.И. Дематериализация капитализма: общественный интеллект и прекариат // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 1. С. 45-52.

Петрова, Е.В. Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом? // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 25-35.

Сигитова, М.А., Филиппова, К.В. Прекаризация как проявление аномии в трудовой сфере // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 36-40.

Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem Press, 2014. 328 с.

Тищенко, П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. 177 с.

Тощенко, Ж.Т. Новое в социальной структуре общества: прекариат // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 100-108.

Тульчинский, Г.Л. Цифровизация: возможности и социально-гуманитарные издержки // Ведомости прикладной этики. 2021. № 57. С. 34-47.

Фишман, Л.Г., Мартынов, В.С., Давыдов, Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: ИД ВШЭ, 2019. 416 с.

Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2004. 349 с.

Хачатурян, А.А. Безработица и другие социальные угрозы цифровой экономики // Проблемы прогнозирования. 2021. № 3 (186). С. 103-115.

Шваб, К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с. [Электронный ресурс]. URL: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k_s_hvab_chetvertaya_promyshlennaya_revolyuciya_2016.pdf (дата обращения 18.03.2022).

Ezell, St., Atkinson, R.D. The Middle Kingdom Galapagos Island Syndrome: The Cul-De-Sac of Chinese Technology Standards // Information technology and innovation foundation (ITIF), December 15, 2014 [Online], available at: <https://itif.org/publications/2014/12/15/middle-kingdom-galapagos-island-syndrome-cul-de-sac-chinese-technology> (дата обращения 18.03.2022).

Feldstein, S. China is exporting AI surveillance technology to countries around the world //

Newsweek. 2019. September 06 [Электронный ресурс]. URL: www.newsweek.com/china-ai-surveillance-technology-world-1403762 (дата обращения 29.03.2022).

Lupton, D. The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking. Cambridge: Polity, 2016. 240 p.

Tiihonen, J., Rautiainen, M.-R., Ollila, H.M. et al. Genetic background of extreme violent behavior // Molecular psychiatry. 2014. Vol. 20 (6). P. 786-792.

Van Deursen, A., van Dijk, J. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. 2010. Vol. 13. Issue 6. P. 893-911 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1461444810386774> (дата обращения 29.03.2022).

References

Bauman, Z. (2019), *Retrotopiya* [Retrotopia], Transl. by Silaeva, V. S., in Oberemko, O. A. (ed.), VCIOM, Moscow, Russia (in Russ.).

Bauman, Z. and Donskis, L. (2019a), *Moral'naya slepota: utrata chuvstvitel'nosti v epokhu tekuchey sovremennosti* [Moral Blindness: The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity], Transl. by Samarina, A. I.; in Rakov, T. N. (ed.), Izdatel'stvo Ivana Limbaha, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Bauman, Z. and Donskis, L. (2019b), *Tekuchee zlo: zhizn' v mire, gde net al'ternativ* [Liquid Evil. Living with Tina], Transl. by Samarina, A. I., in Simakova, M. A. (ed.), Izdatel'stvo Ivana Limbaha, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Elkina, V. (2017), "Big brother with big data: how China introduces an individual rating of citizens", *RB.ru*. 25.10.2017 [Online], available at: <https://rb.ru/story/social-credit-score/> (Accessed 18 March 2022) (in Russ.).

Ezell, St. and Atkinson, R. D. (2014), "The Middle Kingdom Galapagos Island Syndrome: The Cul-De-Sac of Chinese Technology Standards", *Information technology and innovation foundation (ITIF)*, December 15, 2014 [Online], available at: <https://itif.org/publications/2014/12/15/middle-kingdom-galapagos-island-syndrome-cul-de-sac-chinese-technology> (Accessed 18 March 2022).

Feldstein, S. (2019), "China is exporting AI surveillance technology to countries around the world", *Newsweek*, Fri., Sep. 06, 2019 [Online], available at: URL: www.newsweek.com/china-ai-surveillance-technology-world-1403762 (Accessed 29 March 2022).

Fishman, L. G., Mart'janov, V. S. and Davydov, D. A. (2019), *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rental society: in the shadow of labor, responsibility and accounting], Higher School of Economics Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Fukuyama, F. (2004), *Nashe postchelovecheskoe budushee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution], Transl. by Levin, M. B., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Golenkova, Z. T. and Goliusova, Ju. V. (2013), "New social groups in modern stratification systems of the global society", *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naya praktika*, 3, 5-14 (in Russ.).

Graeber, D. (2020), *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostranении бессмысленного труда* [Bullshit jobs: A Theory], Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Hachaturjan, A. A. (2021), "Unemployment and other social threats of the digital economy", *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems], 3 (186), 103-115 (in Russ.).

Inozemtsev, V. L. (2000), "Property in post-industrial society and historical perspective", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 12, 3-13 (in Russ.).

Kargalova, M. V. (2018), "Transforming the world of work in the digital economy", *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2, 174-179 (in Russ.).

Lupton, D. (2016), *The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking*, Polity, Cambridge, UK.

Malysheva, G. A. (2018), "About socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society", *Vlast'*, [Authority], 1, 40-46 (in Russ.).

Mamedov, A. K. (2014), "Information society: a new ontology of social inequality", *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2, 187-198 (in Russ.).

Mikhel', D. V. (2019), "Biocapitalism: new technologies, new economy, new forms of labor and control in a global world", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 9. Oriental and African Studies: An abstract journal*, 4, 25-49 (in Russ.).

Naumova, E. I. (2016), "The Dematerialization of Capitalism: Social Intelligence and the Precariat", *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, 1, 45-52 (in Russ.).

Petrova, E. V. (2021), "The image of the information society in culture: is optimism replaced by pessimism?", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 8, 25-35 (in Russ.).

Schwab, K. (2016), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution], Eksmo, Moscow, Russia [Online], available at: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revoljuciya_2016.pdf (Accessed 18 March 2022) (in Russ.).

Sigitova, M. A. and Filippova, K. V. (2021), "Precarization as a manifestation of anomie in the labor sphere", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 6, 36-40 (in Russ.).

Standing, G. (2014), *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Tiihonen, J., Rautiainen, M.-R., Ollila, H. M. et al. (2014), "Genetic background of extreme violent behavior", *Molecular psychiatry*, 20 (6), 786-792.

Tishhenko, P. D. (2001), *Bio-vlast' v epokhu biotekhnologii* [Bio-power in the Age of Biotechnology], Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Toshhenko, Zh. T. (2017), "New in the social structure of society: the precariat", *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the RFB. Humanities and social sciences], 2, 100-108 (in Russ.).

Tul'chinskiy, G. L. (2021), "Digitalization: Opportunities and Social and Humanitarian Costs", *Vedomosti prikladnoy etiki* [Sheets of Applied Ethics], 57, 34-47 (in Russ.).

Van Deursen, A. and van Dijk, J. (2010), "Internet skills and the digital divide", *New Media & Society*, 13, 6, 893-911 [Online], available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1461444810386774> (Accessed 29 March 2022).

Vedeneeva, N. (2014), *Sozdan biorobot, rabotayushhiy v organizme cheloveka po printsipu kompyutera* [A biorobot has been created that works in the human body on the principle of a computer], *MK.ru. Nauka*. 20.08.2014 [Online], available at: <https://www.mk.ru/science/2014/08/20/sozdan-biorobot-rabotayushhiy-v-organizme-cheloveka-po-principu-kompyutera.html> (Accessed 21 March 2022) (in Russ.).

Veryaskina, V. P. (2022), "Person in the New Reality of the 21st Century: Biotechnological

Challenges and Their Social Consequences”, *Che-lovechestvo v novoj real'nosti: global'nye biotekhnologicheskie vyzovy* [Humanity in a new reality: Global biotechnological challenges], in Belkina, G. L., Frolova, M. I. (eds), Kanon+, Moscow, Russia, 341-365 (in Russ.).

Vyzov–2035 [Challenge–2035] (2016), Olimp-Biznes, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Черновицкая Юлия Вячеславовна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, строение 1, г. Москва, 109240, Россия; juchische@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Yulia V. Chernovitskaya, PhD in Philosophy, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (RAS Institute of Philosophy), 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; juchische@rambler.ru